

Марина МОНГУШ

(Москва)

**ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ У ТУВИНЦЕВ МОНГОЛИИ И КИТАЯ
(Сравнительный анализ)**

Мақала авторы Моңғолия мен Қытайдағы тува тілінің қолданылу жиілігіне сараптау жасап, назар аударуға тиісті өзекті мәселелерді көрсеткен.

Makale yazarı Moğolistan ve Çin'deki Tuva dilinin kullanma yoğunluğu üzerine bir tahlil yaparak, dikkat edilmesi gereken başlıca sorunları belirtmiştir.

Тувинцы – коренное население Республики Тыва (Тува) в составе Российской Федерации. На территории Тувы, расположенной в бассейне Верхнего Енисея (площадь 175,5 тыс. кв. км), проживают 223.150 тувинцев, что составляет 67,3 % от всего населения республики (общая численность 310.200 чел.) [1].

Часть тувинцев проживает за пределами России: в Монголии (около 12 тыс. чел) и Китае (более 4 тыс. чел.) [2]. В данной ситуации, безусловно, государственный фактор оказывает определяющее влияние на направление современного этнического развития различных групп тувинского населения.

Наиболее дисперсно расселены тувинцы в Монголии: в сумонах Цэнгэл и Буянт Баян-Улэгэйского аймака; в сумоне Буянт [3] Кобдоского аймака; в сумоне Цагаан-Нур Хубсугульского аймака; в сумоне Алтанбулаг Селенгинского аймака; в сумоне Заамар Центрального аймака. Местами их наиболее компактного проживания являются сумоны Цэнгэл, Цагаан-Нур и Буянт (в Кобдоском аймаке). К территории Тувы ближе всех расположены сумоны Цэнгэл и Цагаан-Нур; первый примыкает к Монгун-Тайгинскому кожууну, второй – к Тоджинскому. Многие тувинцы, живущие в этих сумонах, утверждают, что раньше, когда еще не было установлено государственных границ между Тувой, т.е. Россией и Монголией, их земли считались частью тувинской территории. Установление границ между двумя государствами привело к тому, что они оказались на монгольской территории.

По сравнению с Монголией для Китая характерно относительно более компактное расселение тувинцев. Они в основном сосредоточены на территории Алтайского аймака Синьцзян-Уйгурского автономного района; основная их часть проживает на крайнем северо-востоке Или-Казахского автономного округа, преимущественно в уездах Каба и Бурчин, а также в уездах Алтай, Чингиль, Кок-Дугай и Бурул-Дугай [4].

В Китае тувинцев называют «кок-мончаками» или просто «мончаками», хотя они сами себя называют «тыва». Есть предположение, что первыми их так начали называть казахи, после чего это название закрепилось в качестве самоназвания народа.

Целью настоящей статьи является попытка рассмотреть этноязыковую ситуацию у монгольских и китайских тувинцев в сравнительном плане, следуя установившимся в этнографической науке подходам. Основу работы составили результаты полевых исследований автора, которые проводились с 1993 по 2002 г.

Этноязыковые процессы являются одной из важнейших составляющих этнических процессов постольку, поскольку язык стоит в одном ряду с основными этническими определителями – этническим самосознанием, хозяйственно-экономическим укладом, спецификой культуры и быта, а также этнопсихологическими особенностями этнофоров[5].

При изучении языка любого этноса, а тем более этнодисперсных групп, специалисты выделяют три важнейших аспекта: 1) структурный, выражающий изменения лексики, фонетики, морфологии, синтаксиса и других составляющих языка; 2) функциональный, который понимается как развитие социальных функций языка, соотносимых с различными сферами человеческого общения; 3) поведенческий, состоящий в речевом поведении, которое включает в себя языковую компетенцию (знание языка), речевую деятельность (употребление языка) и психологическую предрасположенность (отношение к языку) [6].

В данном разделе эти три аспекта будут рассмотрены в разной степени, поскольку для изучения этноязыковых процессов характерно смещение акцентов на поведенческую и функциональную стороны исследования[7]. Это объясняется тем, что из всех компонентов культуры именно язык обладает наиболее ярко выраженными этническими свойствами, чем и определяется его чрезвычайно важная роль в жизни этноса. Выполняя коммуникативную функцию, язык служит основным средством накопления и передачи информации от поколения поколению. Важным является также то, что язык помимо всего прочего выступает и основным этноинтегрирующим фактором для этноса и, соответственно, этнодифференцирующим по отношению к другим этническим общностям. Именно это свойство языка позволяет ему выступать зачастую в качестве символа данной этнической общности [8].

В этнографической литературе предмет изучения этноязыковых процессов заключается в изучении не собственно языковых явлений (фонетики, морфологии, синтаксиса и т.п.), а складывания и варьирования речевого поведения населения [9], которые в нашем случае очень сильно зависят от таких внешних внеязыковых факторов и явлений, как численное соотношение народов на территории проживания интересующих нас групп тувинского населения, особенности расселения этих народов и тувинцев среди них, продолжительность проживания и длительность этнокультурных взаимодействий тувинцев и их потомков с соседями. К этому, очевидно, следует добавить немаловажную роль социально-экономических условий существования тувинской общины, отсутствие у тувинцев национально-

территориальных образований в рассматриваемых регионах. Все эти, а также некоторые другие, менее выраженные факторы, послужили основой складывания современной этноязыковой ситуации у тувинцев Монголии и Китая.

Наиболее актуальными для данного исследования является изучение механизма функционирования тувинского языка среди монгольских и китайских тувинцев, выявление тенденций, специфики его развития. Для этого, как нам кажется, важно получить четкое представление о реальном соотношении тувинского языка с языками соседних народов в жизнедеятельности исследуемых групп. Не менее интересен вопрос об устойчивости национального языка в условиях дисперсного расселения его носителей в иноэтничной среде.

Исследуя этноязыковые процессы и языковой компоненты этноса в целом, следует иметь в виду такие базисные понятия, как «языковая компетентность» (мера, степень знания языка или языков), «речевая деятельность» (реальное употребление одного или более языков в различных сферах жизнедеятельности этноса) и «языковая ориентация» [10], без которых практически невозможно обозначить направления и перспективы развития языковой ситуации у зарубежных тувинцев.

Изучение языковой ситуации в исследуемых тувинских группах велось различными путями. Так, в частности, чтобы получить представление о состоянии языковых процессов у тувинцев Монголии, мы, кроме имеющихся работ, привлекли также оригинальные данные, полученные у наших информантов – монгольских граждан тувинского происхождения. Знакомство с языковой ситуацией у тувинцев Китая осуществлялось путем непосредственного общения с ними, часто с помощью ряда ключевых вопросов, сформулированных следующим образом: Какой язык считаете родным? В какой степени владеете языками соседних народов? На каком языке получаете образование? В какой школе Вы хотели бы учить своих детей? На каком языке общаетесь дома? Не чувствуете ли, что теряете родной язык?

Однако прежде чем рассматривать конкретные вопросы этноязыковых процессов, происходящих в той или иной этнической группе, необходимо отметить, что в языковом отношении тувинцы Монголии и Китая представляют собой единое целое — они говорят на различных диалектах тувинского языка. В целом их язык совпадает с тувинским народно-разговорным языком, хотя и имеет некоторые особенности в фонетике, лексике и мелодике речи. В речи зарубежных тувинцев заметно наличие особого акцента, который на слух воспринимается как влияние монгольского языка. Возможно, это объясняется тем, что носители данных диалектов на протяжении длительного времени живут изолированно от своей основной массы. В то же время они до сих пор сохраняют тот грамматический строй языка, который по существу не отличается от такового у основной массы тувинцев. В данном случае язык зарубежных тувинцев.

являясь основным средством внутриэтнического общения, также выполняет и весьма существенные сигникативные функции, выступая в качестве условного знака принадлежности его носителей к определенному этносу.

Наряду с этим для каждой группы тувинского населения, в зависимости от ее локализации, характерна особая, только ей присущая этноязыковая ситуация. Для того чтобы показать это, считаем целесообразным выделить по территориально-географическому признаку четыре основные группы тувинцев, три из которых сосредоточены в Монголии (в Хубсугуле, Кобдо и Баян-Улэгэе), одна – в Китае. Такое деление позволит не только выявить языковые особенности каждой группы, но также поможет получить более полное представление о весьма сложной и неоднозначной языковой ситуации у зарубежных тувинцев.

Мы преднамеренно не стали выделять в отдельные группы тувинцев, живущих в Селенгинском и Центральном аймаках Монголии, потому что, во-первых, они живут очень разрозненно, во-вторых, их слишком мало по численности, и в-третьих, они не представляют собой единства в языковом отношении. Именно о них Э. Таубе пишет, что они «уже не владеют тувинским как родным языком, так как даже в семьях говорят по-монгольски»; у них «можно встретить полный отказ от традиционного образа жизни», поскольку «многие живут оседло и занимаются нетрадиционными профессиями»; монгольское влияние среди них ощущается наиболее явно, начиная от переориентировки юрты на юг и кончая монгольскими именами[11]. Поэтому наше основное внимание направлено на компактные группы тувинского населения, сохранившие свой родной язык, многие обычаи и устные предания.

Тувинцы Хубсугула живут по соседству с дархатами и монголами. По языковым признакам их делят на две группы: выходцы из Тоджи и выходцы из Кунгуртуга. Такое деление произошло от того, что в 1940-50-х годах, когда началась повсеместная коллективизация, из упомянутых регионов Тувы в Хубсугульский аймак Монголии перекочевало довольно много тувинских семей. На новом месте они приоседились к той небольшой части тувинского населения, которая испокон веков жила на этой территории.

В настоящее время не только исследователями, но и самими тувинцами признается тот факт, что между языками двух групп существуют небольшие различия, хотя они говорят на одном и том же тувинском языке. В то же время в языке хубсугульских тувинцев присутствуют отдельные заимствования из монгольского языка, а некоторые слова имеют монголизированное звучание. Но, несмотря на это, в целом их язык можно рассматривать как особый диалект, очень близкий к Тере-Хольскому диалекту тувинского языка. Существующие в рамках этого диалекта различия, по всей вероятности, следует классифицировать как говоры[12].

Помимо своего родного языка хубсугульские тувинцы свободно говорят на дархатском диалекте монгольского языка. Они фактически двуязычны. Их дети учатся в монгольской школе.

Тувинский язык в основном употребляется в узком семейном кругу. Старшее поколение значительно лучше владеет своим родным языком, чем молодое, поэтому для последних уже сейчас остро существует проблема сохранения тувинского языка. Чтобы попытаться решить эту проблему, местные власти в 1990 г. специально пригласили из Тувы двух учителей и подписали с ними контракт о преподавании в течение трех лет тувинского языка в цагаан-нурской средней школе. Во время пребывания учителей из Тувы у местных тувинцев резко возрос интерес к своему родному языку. Родители охотно определяли своих детей к тувинским учителям, а дети, в свою очередь, с энтузиазмом изучали тувинский язык.

Однако эта практика, столь любимая местными жителями, по некоторым объективным причинам не получила дальнейшего развития. На данный момент у хубсугульских тувинцев практически нет ни одного официального источника тувинского языка. Они не имеют своей письменности, школ, печатных изданий. Зато исследователи отмечают у них сохранение национального фольклора в устной передаче, для чего, как известно, письменной традиции не требуется. Тувинская исследовательница П. Серен также установила, что в сказках тувинцев Хубсугула довольно часто встречаются сюжетные линии, характерные для сказок тувинцев Тере-Холя, т.е. по существу, они имеют единую сказочную традицию, из чего следует, что фольклор у данной группы имеет много общего с фольклором российских тувинцев [13].

Что же касается языка хубсугульских тувинцев, то он, по нашим предварительным данным, представляет собой самостоятельный диалект тувинского языка, в рамках которого существуют два говора.

Тувинцы Кобдо живут в окружении монголов, казахов, захчинов, дербетов и других этнических групп. В языковом отношении они двуязычны — говорят на тувинском и монгольском языках. Их дети обучаются в монгольской школе, где в качестве иностранного языка по своему желанию могут изучать либо русский, либо английский.

Интересно отметить, что пожилые тувинцы, которые в свое время перекочевали в эти края из Синьцзяна, кроме тувинского и монгольского, также свободно владеют казахским языком. Современные тувинцы, которые уже родились на территории Кобдо, казахского языка не знают, хотя и живут рядом с его носителями, что свидетельствует о доминировании монгольского языка в общении между различными этническими группами Кобдо.

Тувинский язык, как показывают наши исследования, употребляется исключительно для внутрисемейного общения. Причем знание родного языка среди людей старшего поколения намного лучше, чем среди представителей среднего и молодого поколений. Поэтому проблема сохранения родного языка для кобдинских тувинцев стоит так же остро, как для хубсугульских. В

сумоне Буянт, где 30% населения составляет тувинцы, работает Тувинский комитет, который пытается решить эту проблему наряду с проблемой возрождения традиционных тувинских обрядов и обычаев.

В начале 1990-х годов этот комитет обратился к местному руководству с просьбой рассмотреть и положительно решить вопрос о введении в школьную программу тувинского языка на правах факультатива, что дало бы возможность тувинским детям приобщиться к своему родному языку. Местные власти одобрили и поддержали эту идею, но из-за отсутствия квалифицированных преподавателей она долгое время не воплощалась в жизнь. Это продолжалось до тех пор, пока не появились первые выпускники тувинского отделения филфака Тувинского государственного университета.

Тувинским комитетом также неоднократно предпринималась попытка официально организовать подписку на наиболее популярные периодические издания, выходящие в Туве, но она не состоялась из-за сложных бюрократических процедур. Цэнгэльским тувинцам, очевидно, в этом отношении повезло больше, они регулярно получали популярную газету «Шын» вплоть до середины 1990-х годов. Подписка на нее вновь была возобновлена только в начале 2003 г.

Осенью 1974 г. кобдинских тувинцев впервые посетили исследователи из Тувы Ю. Л. Аранчин и Д. А. Монгуш. Результатами их полевой работы стали статьи, опубликованные в разных научных изданиях. Ю.Л. Аранчин, например, замечает: «...поразительно то, что даже в такой небольшой этнографической группе, как жители Буянт сумона, сохранились удивительно интересные факты, свидетельствующие о наличии в их языке, фольклоре и обычаях довольно устойчивых общих черт с современными тувинцами» [14]. Далее автор подкрепляет свое мнение языковыми и фольклорными материалами. Его коллега Д. А. Монгуш отмечает, что язык кобдинских тувинцев очень близок к языку российских тувинцев и может рассматриваться как один из диалектов тувинского языка, обладающий рядом фонетических, лексических и грамматических особенностей, которые сложились в условиях изоляции этой группы тувинцев под влиянием монгольского, казахского и, возможно, алтайского языков [15].

Осенью 1990 г., т.е. спустя 16 лет, у кобдинских тувинцев побывала исследовательница П. Серен, которая годом позже также посетила хубсугульских тувинцев. Сравнивая языки этих двух этнических групп, П. Серен замечает, что язык тувинцев Хубсугула был гораздо ближе и понятнее ей, чем язык тувинцев Кобдо, хотя те и другие говорили на одном и том же тувинском языке. В языке кобдинских тувинцев присутствовало много незнакомых слов, пришедших из языков соседних народов, преимущественно из монгольского [16].

Среди этнических групп, проживающих в Кобдо, есть также небольшая группа урянхайцев, о которых следует сказать отдельно. Как сообщают наши информанты, среди них по сей день встречаются (хотя и редко) носители тувинского языка. Объясняется это тем, что урянхайцы

некогда были тувинцами, но, живя длительное время среди монголов, они полностью омонголились и в настоящее время представляют собой обособившуюся от тувинцев этническую группу, основным языком которой является монгольский. Поэтому знание тувинского языка отдельными представителями этой группы, в основном людьми почтенного возраста – явление крайне редкое [17].

Со слов информантов нам также стало известно, что у некоторых пожилых тувинцев на руках имеются очень редкие старые издания на тувинском языке, написанные либо кириллицей, либо латинским шрифтом, которые бережно хранятся как семейные реликвии. По всей вероятности, эти издания были вывезены из Тувы теми, кто после народной революции 1921 г. бежал в Синьцзян, а позже перебрался в Кобдо.

Весьма примечательно, что фольклор тувинцев Кобдо очень близок, практически родственен фольклору тувинцев Монгольского Алтая, преимущественно района Цэнгэл. Песни, благопожелания, некоторые сказки обеих групп, лишь за редким исключением, полностью идентичны. Очевидно, в более ранний период истории между этими группами тувинского этноса существовало не только культурное, но и территориальное единство, которое позднее было нарушено различными историческими событиями.

Основными соседями **тувинцев Баян-Улэгэя** являются монголы, казахи и урянхайцы. Последние в основном сосредоточены в сумоне Буянт и по своему этническому происхождению имеют непосредственное отношение к тувинцам. Какая-то их часть также проживает по соседству с кобдинскими тувинцами, о чем было сказано ранее. Э. Таубе, посвятившая себя изучению именно этой группы тувинцев, пишет: «В сознании тувинцев сумона Цэнгэл представление о первоначальной тюркоязычии урянхайцев, говорящих сегодня по-монгольски, было живо и через сотню лет, когда я в конце 60-х годов вела среди них полевые исследования. Они четко отличают себя, тюркоязычных тыва, от монголоязычных урянхайцев, живущих дальше на восток и юго-восток от них..., но (*цэнгэльские тувинцы – М.М.*) считают урянхайцев родственной им этнической группой, сохранившей с ними много общего в культуре и прежде всего в нравах и обычаях; их шаманы до последнего времени, по крайней мере до середины нашего столетия, камлали на тувинском языке» [18].

Тувинцы Баян-Улэгэя свободно говорят на трех языках: тувинском, монгольском и казахском. Благодаря близости к территории Тувы и наличию хороших дорог, контакты между жителями сумона Цэнгэл и российскими тувинцами существовали постоянно, особенно активными они были в 1950-60-х годах. Это обстоятельство, безусловно, положительно отразилось на состоянии тувинского языка цэнгэльских тувинцев. По сравнению с другими группами тувинцев они значительно лучше владеют своим родным языком и проблема его сохранения для них не столь актуальна, как для остальных.

Убедительным доказательством того, что язык у цэнгэльских тувинцев хорошо сохранился, могут служить 120 песен (ыр), 17 шаманских

заклинаний, 50 благословений (алгыш) и восхвалений (мактал), около 800 пословиц (чечен сос) и загадок (тывызык) и 90 сказов (тоол), историй (тоогу) и мифов (домак), которые были записаны Э. Таубе во время полевой работы [19]. Небольшая часть этого материала собрана у тех тувинцев, которые родились в районе южнее Алтайского хребта, т.е. на территории Синьцзяна, откуда впоследствии они перебрались в Цэнгэл. Судя по текстам, между тувинцами Синьцзяна и Цэнгэла почти нет никаких языковых различий. Из-за постоянных контактов между обеими группами в прошлом и общего языка их сказки принадлежат одной и, по существу, единой традиции. Поэтому собранные сказки Э. Таубе рассматривает как общее достижение живущих на Алтае тувинцев [20].

Тувинцы Цэнгэла не без гордости отмечают, что из-за своей малочисленности по сравнению с другими народами они оказались в более выгодном положении в языковом отношении. Они в одинаковой мере свободно общаются с монголами и казахами на их языках, в то время как те ограничены в общении только монгольским.

До недавнего времени в Цэнгэле существовала одна единственная школа с монгольскими и казахскими классами. В ней ежегодно обучалось около 1200-1400 учащихся. Преподавание велось на двух языках — монгольском и казахском. В качестве иностранного языка преподавали русский. Тувинские дети обычно учились в монгольских классах.

В 1991 г. местные власти, учитывая интересы тувинского населения, из одной школы образовали две — монгольскую с казахскими классами и тувинскую. Такая мера была предпринята с целью дальнейшего сохранения тувинского языка. По первоначальному замыслу предполагалось все предметы в школе перевести на тувинский язык. Однако родители учащихся выразили опасение, что это может привести к нежелательным результатам: дети будут крайне слабо владеть монгольским, в результате чего их шансы получить хорошее образование в престижных учебных заведениях страны резко снизятся. Поэтому было решено ввести в школьную программу тувинский язык и литературу, а все остальные предметы преподавать на монгольском. Учебники по тувинскому языку и литературе специально по этому случаю были закуплены в Туве. В качестве второго иностранного языка ввели английский.

О большой приверженности цэнгэльских тувинцев к своему родному языку свидетельствует также то, что они обычно имеют два имени — монгольское и тувинское. В официальных документах у них фигурирует монгольское имя, а в повседневной жизни принято называть друг друга тувинским именем. Причем тувинское имя для человека более значимо, чем монгольское. В последнее время наметилась тенденция в свидетельстве о рождении ребенка записывать его тувинское имя.

В языковом отношении тувинцы Монгольского Алтая находятся в наиболее благополучном положении. Во-первых, они имеют свою школу, в

то время как у других групп она полностью отсутствует. Во-вторых, им намного легче, чем остальным, общаться с жителями Тувы. В-третьих, они в меньшей степени подверглись процессу монголизации. И, наконец, в-четвертых, у цэнгэльских тувинцев есть реальные шансы не только сохранить свой родной язык, но и внести существенную лепту в фольклорную сокровищницу тувинского народа.

Тувинцы Китая, т.е. Синьцзяня живут в многоязычной среде, поэтому по мере необходимости свободно переходят с одного языка на другой. Из языков окружающих их народов они достаточно хорошо владеют монгольским и казахским. Тувинский язык преимущественно употребляется в семье, а также во время таких семейных и общественных обрядов и церемоний, как свадьба, похороны, *оваа дагылгазы* и др.

Китайским языком тувинцы, как впрочем и их ближайшие соседи, владеют в недостаточной степени, хотя он входит в школьную программу и является обязательным для всех. Причина тому – удаленность и труднодоступность Алтайского аймака и как следствие – его малая заселенность ханцами – коренными носителями китайского языка, что, в свою очередь, позволяет местным жителям вполне спокойно обходиться без него в своей повседневной жизни.

Многие наши информанты отмечали, что именно из-за слабого знания китайского языка их дети не могут поступить в высшие учебные заведения страны, где преподавание ведется исключительно на китайском. Поэтому общий образовательный уровень мончаков, как правило, ограничивается либо средней школой, либо средним учебным заведением. Хотя объективности ради следует заметить, что иногда бывают счастливые исключения, когда некоторым из них, благодаря своим особым способностям, удается получить высшее образование. Нам, например, рассказывали об одном парне-мончаке из Ханаса, который закончив университет во Внутренней Монголии, поехал учиться за рубеж – сначала в Венгрию, затем в Германию. В настоящее время он преподает в университете в Кельне.

Нельзя не сказать несколько слов о влиянии русского языка на языки этнических групп Синьцзяня, в том числе на тувинский. В процессе общения с китайскими тувинцами наше внимание то и дело привлекали такие слова, как *революция, марксизм-ленинизм, партия, политика, Советы, автономия, республика* и ряд других, которые явно указывали на некогда существовавшее идеологическое единство между бывшим СССР и Китаем. Лексикой подобного рода, как и следовало ожидать, хорошо владеют представители партийной номенклатуры.

Не менее успешно мончаки продемонстрировали и знание лексики из области образования. Им хорошо известны слова *школа, классы, гимназия, техникум, институт, университет* и т.д. Более того, названия некоторых дисциплин, которые преподаются в них, были произнесены также на русском: *математика, химия, орфография, педагогика, право* и другие.

На самом деле мончаки знают гораздо больше русских слов, чем это может показаться на первый взгляд. В Ак-Хаба мы познакомились с Конгуштаем Каскайбом (1925 г. рождения), который в молодости изучал русский язык. Он попытался общаться с нами на русском языке, и надо заметить, что препятствий для обоюдного понимания у нас не возникло.

Наличие русских слов в языке народов Синьцзяна имеет свою причину: до начала «культурной революции» в Китае, на территории Алтайского аймака проживало много русских староверов. Они жили большими деревнями, занимались земледелием, имели свои русские школы, куда брали учиться и местных детей. Но грянувшая «культурная революция» вынудила их покинуть обжитые места. Какая-то часть староверов уехала в Австралию, другая перебралась в Америку через Бразилию, а большая часть обосновалась в России в пределах нынешней Республики Алтай. С тех пор в языке местных народов и остались русские заимствования, которые мы постоянно слышали в процессе общения с ними. Местное население, кстати, с особой теплотой вспоминает то время, когда рядом с ними жили русские староверы.

Во время полевой работы мы общались с мончаками на тувинском языке. Мы хорошо понимали друг друга, убеждаясь в том, что говорим на одном и том же языке, но имеющем некоторые особенности, которые иногда заставляли нас переспрашивать и уточнять.

Люди пожилого возраста говорят на чистейшем народно-разговорном языке без посторонних примесей, в то время как люди молодого и среднего возраста употребляют множество слов, заимствованных из других языков, преимущественно из монгольского и казахского.

Результаты китайского исследователя Сун Чжэнчуна показали, что подавляющее большинство пожилых носителей тувинского языка различают основные (краткие) и особые гласные, тогда как люди молодого возраста произносят такие различающиеся по фарингализованности и нефарингализованности звуки одинаково. Отсюда автор делает вывод, что фарингализация гласных в языке китайских тувинцев начинает затухать [21]. Иной точки зрения придерживается известный российский тюрколог-лингвист Э.Р.Тенишев. Он считает, что язык кок-мончаков изначально хранил в себе реликтовую черту – отсутствие фарингализации [22]. Фарингализация, как известно, это не просто адаптирование какого-либо звука или явления, а перестройка всей вокалической системы языка. Для того чтобы она получила развитие в тувинском языке необходимо по крайней мере 500 лет. Из этого следует, что язык кок-мончаков отделился от языка материнского этноса в ту далекую пору, когда в последнем фарингализации гласных еще не было. После непосредственного общения с самими кок-мончаками мы можем лишь подтвердить, что фарингализация у них действительно отсутствует.

В то же время результаты лингвистической экспедиции Академии наук КНР, проводившейся в октябре 1956 г. в Алтайском аймаке среди кок-мончаков, показали, что их язык, несмотря на ограниченность

функциональных потенций, имеет много общего с нормами литературного тувинского языка и близок к его центральному диалекту. Сами кок-мончаки уверены, что их язык произошел от языка тувинцев Хемчика, т.е. Тувы и подобного ему в Синьцзяне нет[23].

В виду полного отсутствия сети тувинских национальных школ, дети китайских тувинцев учатся либо в казахской, либо в монгольской школе, причем предпочтение отдается последней. В местности Ак Хаба мы посетили начальную школу (с 1 по 6 классы), где состоялась встреча с учителями и учащимися школы. Школа была основана в 1932 г. Преподавание ведется на монгольском языке. В настоящее время там насчитывается всего 14 учителей и 100 учащихся. Все они в подавляющем большинстве являются тувинцами. Средний возраст учителей 25 лет. В основном это выпускники педагогических училищ. Трудно было не заметить серьезную обеспокоенность и озабоченность учителей по поводу медленного и неуклонного угасания тувинского языка.

Оказалось, что дети тувинцев, когда впервые приходят в школу, кроме тувинского, никакого другого языка не знают. Но так как преподавание официально ведется на монгольском языке, в начальных классах учителям приходится переводить учебный материал с монгольского на тувинский. Примерно с четвертого класса учащиеся начинают не только понимать, но и говорить на монгольском языке, который постепенно вытесняет их тувинский. То же самое происходит в школе, где преподавание ведется на казахском языке. Таким образом, родной язык отходит на второй план, а доминирующими языками общения становятся монгольский и казахский. Тувинский язык фактически служит только для общения в семье. Однако в тех случаях, где один из родителей является представителем другой национальности, там дети, как правило, уже не говорят на тувинском языке.

Потерю языка китайские тувинцы воспринимают очень болезненно, объективно понимая, что не в силах изменить положение. Собственно говоря, они полностью лишены всего того, что может гарантировать устойчивое сохранение языка, т.е. своей письменности, школ, учебников, печатных изданий и т.д. В настоящее время у них есть, пожалуй, только один официальный источник тувинского языка – это радиопередачи из Тувы, которые им удается время от времени ловить по транзистору. И хотя эти 30-минутные передачи не решают проблему сохранения языка, но они пробуждают в мончаках чувство их принадлежности к единому тувинскому этносу. Язык тувинского радио вполне понятен им, но в то же время они отмечают, что их собственный язык намного скуднее по сравнению с языком российских тувинцев.

Многие информанты высказывали искреннее желание о том, что хотелось бы видеть у себя учителей из Тувы, которые могли бы обучать их детей тувинскому языку и литературе. По просьбе многих из них мы показывали, как пишут тувинцы, объясняя, что используется кириллица.

Кириллицу мончаки называют «славянской письменностью» (*славян бижик*). Они уверены, что для них не составило бы большого труда освоить ее, так как они с нею были знакомы раньше – русские староверы, жившие в этих краях, использовали кириллицу.

Нам удалось записать на диктофон образцы разговорной речи китайских тувинцев, тексты некоторых песен и благопожеланий, а отдельные слова и выражения – от руки. Кассетные записи полностью расшифрованы и в настоящее время они хранятся в Рукописном фонде Тувинского Института гуманитарных исследований. Специалистам еще только предстоит определить место языка китайских тувинцев в общей системе тувинского языка.

* * *

В целом анализ этноязыковой ситуации у различных групп зарубежных тувинцев не позволяет провести резкой границы между ними и тувинцами, живущими в Российской Федерации. Обработка материалов, имеющих отношение к реальной речевой деятельности, убедительно доказывает тезис о существовании у них как развитого тувинско-монгольского двуязычия, характерного для этнических групп Хубсугула и Кобдо, так и тувинско-монгольско-казахского мультилингвизма, наблюдаемого у групп, проживающих на Монгольском и Китайском Алтае.

Языковая ситуация, сложившаяся в настоящее время в этих регионах, характеризуется достаточно прочным равновесием в функционировании одновременно двух языков и более в реальной речевой деятельности. Хотя нельзя говорить о вседольствующем преобладании какого-то одного языка в речевом поведении рассматриваемых этнолокальных групп, но с уверенностью можно констатировать наличие весьма отчетливой тенденции к возрастанию роли монгольского языка в производственной сфере и межличностном общении у тувинцев Монголии, и казахского, монгольского и китайского языков у тувинцев Китая.

Особенно ярко активность монгольского языка проявляется у тувинцев Хубсугула и Кобдо, где он проник в такую, казалось бы, закрытую сферу, как внутрисемейное общение. Здесь, монгольский язык явно превалирует над тувинским. Так, по признанию П. Серен, во время полевых исследований в Хубсугульском аймаке, ей приходилось с некоторыми 30-40-летними тувинцами общаться с помощью переводчика, так как они практически не говорили по-тувински[24]. Наши информанты, часто посещающие кобдинских тувинцев, сообщают, что там старики обращаются к молодым на тувинском языке, а те, понимая тувинскую речь достаточно хорошо, все же предпочитают отвечать на монгольском.

На основе этих данных можно предположить, что в дальнейшем у тувинцев Хубсугула и Кобдо будет усиливаться ассимиляция их языка монгольским, при том, однако, что будет и далее существовать реальный билингвизм в межличностном внутри- и внесемейном общении.

В отечественной этносоциологической литературе принято считать, что развитие двуязычия может иметь две тенденции – экстенсивную и интенсивную [25]. В первом случае двуязычие распространяется «вширь», т.е. вторым языком, в нашем случае монгольским, овладевают все больше представителей немонгольского этноса. Во втором случае проявляется тенденция к «углублению» двуязычия посредством лучшего овладения вторым языком с использованием его во внутриэтническом общении.

Исходя из этого положения можно утверждать, что тувинско-монгольское двуязычие у хубсугульских и кобдинских тувинцев реализует в своем развитии обе эти тенденции, поскольку, как показывают результаты исследований, налицо достаточно широкое овладение монгольским языком с очень высоким для второго языка уровнем языковой компетенции и его активное использование в реальной языковой деятельности. Необходимо учесть при этом и степень воздействия столь развитого двуязычия на процессы культурной интеграции в ходе межэтнического тувинско-монгольского взаимодействия.

Что касается тувинцев Монгольского и Китайского Алтая, у них помимо тувинского наблюдается свободное владение казахским и монгольским языками, которые используются ими в одинаковой степени и гораздо более активно, нежели тувинский, что во многом определяется как уровнем развития их общественных функций в образовании, хозяйственной деятельности, делопроизводстве, так и особенностями дисперсного проживания тувинцев в многоязычной среде. Отнюдь не последнюю роль в этом играет и такой важнейший фактор, как использование этих языков в чтении литературы и газетно-журнальной периодики. В этом случае помимо лингвистического воздействия как такового, тувинцы испытывают и огромное культурное воздействие самого материала, в значительной степени зависящее от языка, на котором подается.

Языковая ситуация у монгольских и китайских тувинцев во многом определяется также изменениями лингвистических характеристик языка. Хотя нами не проводился структурный анализ их языка, относящийся к компетенции лингвистов, мы тем не менее попытались, не вдаваясь в подробности изменения таких структурных единиц языка, как лексика, морфология и грамматика, выявить основное их направление. Длительное проживание в географическом и культурно-языковом отрыве от основного массива тувинского этноса, как нам кажется, привело к тому, что у дисперсно расселенных представителей различных этнолокальных и диалектных групп тувинцев произошла значительная редукция лексических и морфологических структур языка в бытовом общении. Это, в свою очередь, способствовало языковой интерференции, т.е. отклонению от устоявшейся структуры языка в силу внешнего воздействия, проявляющегося в фонетике, морфологии, лексике и семантике, нарушении некоторых синтаксических и стилистических норм. У рассматриваемых нами групп это явление получило весьма широкое распространение и служит в настоящее время одним из

оснований в осознании ими своего отличия от тувинцев, проживающих в Российской Федерации.

На развитие этноязыковых процессов существенно влияют и языковые ориентации зарубежных тувинцев, их психологические установки на тот или иной язык. Особое значение этот аспект приобретает в связи со способностью языковой предрасположенности, сформировавшись под воздействием среды, оказывать воздействие на динамику языковой компетенции и характер языковой деятельности [26]. В нашем случае одним из основных показателей в системе языковых предпочтений служит установка тувинцев на язык школьного обучения. Подавляющее большинство как монгольских, так и китайских тувинцев предпочитают обучать детей в монгольской школе, а не в казахской, как следовало бы этого ожидать, учитывая языковое родство казахов и тувинцев. Однако предрасположенность тувинцев к монгольскому языку в немалой степени обусловлена конфессиональным фактором – монголы, как и тувинцы, являются буддистами.

Достаточно своеобразное положение сложилось с языковой компетентностью: из четырех этнолокальных групп тувинцы Монгольского Алтая, т.е. жители сумона Цэнгэл свободно владеют тувинским языком (говорят на нем, читают и пишут), в то время как представители трех остальных групп знают язык лишь на разговорном уровне. При этом в старших возрастных группах уровень языковой компетенции значительно выше, чем в средних и младших группах. У последних по мере снижения их возраста знание тувинского языка становится все менее глубоким.

Такое положение обусловлено возможностью изучения тувинского языка в системе школьного образования, которая, как свидетельствуют наши информанты, неодинакова у различных групп тувинского населения. Однако эта проблема в Монголии, например, решается следующим образом. Так, в начале 1990 г. благодаря общим усилиям между правительствами Республики Тыва и Монголии было достигнуто двустороннее соглашение о подготовке молодых кадров по разным специальностям. Согласно этому договору осенью этого же года в Улан-Баторский государственный университет поехали учиться четыре студента из Тувы, а Кызыльский государственный педагогический институт (с сентября 1996 г. – Тувинский государственный университет) принял столько же студентов из Монголии.

Обращает на себя внимание тот факт, что все студенты, приехавшие из Монголии, являются тувинцами по происхождению. Двое из них выходцы из Цэнгэла, одна девушка из Кобдо, другая из Хубсугула. Они вчетвером обучались на тувинском отделении филологического факультета, а по окончании института им была присвоена квалификация учителей тувинского языка и литературы. В настоящее время подготовка таких кадров из числа монгольских тувинцев поставлена на поток. Многие из них остаются в Туве и продолжают обучение в аспирантуре, выбрав в качестве объекта исследования тот или иной аспект тувинского языка или литературы, и лишь

немногие возвращаются в Монголию, где по большей части работают по специальности.

Учитывая то обстоятельство, что монгольские тувинцы испытывают определенные сложности, связанные с сохранением родного языка, правительство Тувы обязалось регулярно обеспечивать пока единственную тувинскую школу в Цэнгэле всеми необходимыми учебниками и пособиями. Более того, осенью 2001 г. туда были направлены специалисты-строители из Тувы для ремонта здания школы. Строительные материалы для этой цели были доставлены из России.

Тувинское правительство намерено и в дальнейшем оказывать всяческую поддержку монгольским тувинцам в сохранении их родного языка и это позволяет надеяться, что тувинский язык в Монголии не исчезнет окончательно.

Несколько сложнее обстоит дело с тувинским языком в Китае. Во-первых, у китайских тувинцев нет возможности, во всяком случае сейчас, общаться с жителями Тувы. Во-вторых, ни местные, ни центральные власти не проявляют заботу о том, чтобы помочь малочисленным этническим группам сохранить свой родной язык, поскольку языковая политика Китая направлена на их ассимиляцию. Осуществляется она путем планомерного заселения национальных окраин страны ханьцами, что ведет к усилению позиций китайского языка в этих регионах. Особенно показательным в этом отношении является ситуация в Синьцзяне, где процент ханьского населения увеличился с 5 в 1949 г. до более чем 40 в 1980-х годах[27]. В-третьих, постоянные контакты между тувинцами Синьцзяна и Монголии, которые имели место раньше, за последние десятилетия практически перестали осуществляться, что в немалой степени способствует еще большей изоляции языка китайских тувинцев. Тот язык, который мы застали у них в начале 1900-х годов, представляет собой особый диалект тувинского языка со значительным преобладанием монголизмов. Заимствования из других языков, в частности из казахского, заметно уступают, хотя в языках друг групп тувинцев они представлены вовсе незначительно.

Таким образом, подводя итоги нашим исследованиям в области современных этноязыковых процессов у тувинцев Монголии и Китая, отметим следующие основные тенденции.

В результате особенностей расселения и исторического развития зарубежных тувинцев достигнута достаточно высокая степень их языковой ассимиляции со стороны соседних народов. Это привело к тому, что тувинский язык у различных этнолокальных групп приобрел некоторые особенности в области мелодики речи, лексике, фонетике и отчасти грамматики. На язык тувинцев Монголии, например, преимущественно повлиял монгольский, хотя влияние казахского также нельзя отрицать. На язык тувинцев Китая, помимо монгольского и казахского, частичное влияние оказали китайский, уйгурский языки. Фактически зарубежные тувинцы

создали самостоятельные диалекты тувинского языка, которые, к сожалению, до сих пор остаются малоизученными.

Широкое распространение получил как тувинско-монгольский билингвизм, так и тувинско-монгольско-казахский мультилингвизм; при этом абсолютное большинство тувинцев демонстрируют свою предрасположенность к монгольскому языку, ставшим средством не только межнационального, но и внутриэтнического общения.

Учитывая постоянно происходящее в языковой ситуации изменения, можно с некоторой долей уверенности предсказать дальнейшее развитие процесса проникновения в культуру монгольских и китайских тувинцев потенциала, накопленного языками соседних народов. Являясь позитивным в целом, этот процесс даже в его нынешнем виде имеет определенный негативный аспект, а именно: уровень и степень знания тувинского языка падают по мере снижения возраста респондентов, что в будущем может привести к потере тувинским языком части позиций, занимаемых им в системе речевой деятельности и языковых ориентаций его носителей. Если ситуация примет такой оборот, то, очевидно, произойдет вынужденная замена отдельных элементов и целых слоев языковой культуры тувинцев на монголо-казахо-китаеязычный эквивалент.

Однако избежать такого хода событий можно, на наш взгляд, если целенаправленно способствовать распространению этнически значимой информации с помощью печати, радио, телевидения, национальной литературы и изданий на тувинском языке, а также введения тувинского языка и литературы в школьную программу, что уже начали осуществлять монгольские (цэнгэльские) тувинцы. Насколько этот процесс будет успешным, покажет время.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Тувы. Изд. 2-ое. Под ред. С.И.Вайнштейна и М.Х.Маннай-оола. – Новосибирск, 2001. – С.3.
2. Монгуш М.В. Тувинцы Монголии и Китая. Этнодисперсные группы: история и современность. – Новосибирск, 2002. – С.3.
3. Сумоны с одноименным названием Буянт имеются в двух разных аймаках Монголии: в Баян-Улэгэйском и Кобдоском.
4. Монгуш М.В. Тувинцы Монголии и Китая... - С.44.
5. Коровушкин Д.Г. Чуваши Западной Сибири. – Новосибирск, 1997. - С.27.
6. Губогло М.Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. - М., 1984. - С. 17.
7. Чуваши: Современные этнокультурные процессы. - М., 1988. - С. 71-72.
8. Боомлей Ю.В. Этнос и этнография. - М., 1985. - С. 54-55.
9. Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. – М., 1998. –С. 107.
10. Чуваши: современные ... - С. 73.
11. Таубэ Э. Сказки и предания алтайских тувинцев. - М., 1994. - С.9
12. Рукописный фонд ТИГИ. Д. 1198. Л.8. (Материалы автора).

13. Серен П.С. Цагаан-Нур тываларында // Улуг-Хем. – Кызыл, 1993. - №5-6. - С. 149-150.
14. Аранчын Ю.Л. Новые этнографические и филологические материалы из Северо-Западной Монголии // Ученые записки ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1975. - Вып. XVII. - С. 215.
15. Монгуш Д.А. О языке тувинцев в Северо-Западной Монголии // Вопросы тувинской филологии. – Кызыл, 1983. - С. 144.
16. Рукописный фонд ТИГИ. Д. 1198. Л. 7. (Материалы автора).
17. Там же.
18. Таубэ Э. Сказки и предания ... - С.7.
19. Там же. С. 18.
20. Там же. С. 8-9.
21. Сат Ш.Ч., Доржу Л.Ю. К изучению тувинского языка в Китае // Советская тюркология. - 1989. - № 5. - С. 94.
22. Тенишев Э.Р. Тувинское племя кокмунчак из Синьцзяна // Общее и восточное языкознание. - М., 1999. – С. 133.
23. Там же. – С. 130-133.
24. Серен П.С. Моолда тываларнын чанчылдары (орук демдеглери). – Кызыл, 2000. - С. 9.
25. Губогло М.Н. Языки этнической... - С.69-89.
26. Губогло М.Н. Современные этноязыковые... - С. 25.
27. Зарубежный Восток. Языковая ситуация и языковая политика. – М., 1986. – С. 223.